

Бенедиктов Владимир Григорьевич
(1807 -1873)

Грехопадение

В красоте, от праха взятой,
Вдохновенным сном объятай,
У разбега райских рек
Почивал наш прародитель -
Стран эдемских юный житель -
Мира новый человек.
Спит; - а творческого дела
Совершается добро:
Вынимается из тела
К сердцу близкое ребро;
Пышет пламень в нем священной,
И звучит небесный клир,
И на свет из кости брэнной
Рвется к жизни новый мир, -
И прекрасного создання
Образ царственный возник:
Полный райского сиянья
Дышит негой женский лик,
И власы текут и блещут,
Ясны очи взоры мещут,
Речью движутся уста,
Перси жизньню трепещут,
В целом свет и красота.

Пробудись, супруг блаженный,
И прими сей дар небес,
Светлый, чистый, совершенный,
Сей венец земных чудес!
По предвечному уставу
Рай удвоен для тебя:
Встань! и черпай Божью славу
Из двойного бытия!
Величай Творца хвалою!
Встань! Она перед тобою,
Чудной прелестью полна,
Новосозданная дева,
От губительного древа
Невкусившая жена!

И он восстал - и зрит, и внемлет...
И полн святого торжества
Супругу юную приемлет
Из щедрой длани Божества,
И средь небесных обаяний,
Вполне блаженна и чиста,
В цветах - в морях благоуханий

Ликует райская чета;
И все, что с нею населяет
Эдема чудную страну,
С улыбкой радостной взирает
На светозарную жену;
Звучит ей гимн семьи пернатой;
К ней, чужд кровавых, хищных игр,
Подходит с маской зверь косматой -
Покорный волк и кроткий тигр,
И, первенствуя в их собрание,
Спокойный, величавый лев,
Взглянув на новое создание,
Приветственный подымлет рев,
И, видя образ пред собою
С венцом бессмертья на челе,
Смиренно никнет головою
И стелет гриву по земле.
А там украдкою на Еву
Глядит коварная змея
И жметя к роковому древу,
В изгибах радость затая;
Любуясь женскими красами,
Тихонько вьется и скользит,
Сверкая узкими глазами
И острым жалом шевелит.

Речь змеи кольцеобразной
Ева внемлет. - Прельщена
Сладким яблоком соблазна,
Пала слабая жена.
И виновник мирозданья,
Грянув гневом с высоты,
Возложил венец страданья
На царицу красоты,
Чтоб она на грех паденья,
За вкушенный ею плод,
Все красы и все мученья
Предала в позднейший род;
И караются потомки:
Дверь небесного шара
Заперта для вас, обломки
От адамова ребра!
И за страшный плод познания -
С горькой участью изгнания
Долю скорби и трудов
Бог изрек в громовых звуках
Для рожденных в тяжких муках
Ваших горестных сынов.
Взмах руки своей заносит
Смерть над наших дней
И серпом нещадным косит
Злак невызревших полей.

Мерным ходом век за веком
С грузом горя и забот
Над страдальцем - человеком
В бездну вечности идет:
На земле ряды уступов
Прах усопших намостил;
Стал весь мир громадой трупов;
Людям тесно от могил.

Но с здесь - в краю изгнанья -
Не покинул смертных Бог:
Сердцу светоч упования
В мраке скорби он возжет,
И на поприще суровом,
Где кипит и рыщет зло,
Он святит венком терновым
Падшей женщины чело;
Казню гнев свой обнаружа
И смягчая правый суд,
Светлый ум и мышцы мужа
Укрепляет он на труд,
И любовью бесконечной
Обновляя смертных род,
В дольней смерти к жизни вечной
Указал нам переход.
Он открыл нам в край небесный
Двери царственные вновь:
Чей пред нами образ крестный
В язвах казни за любовь?
Это Бог в крови распятыя
Прекращает смерти пир,
Расторгает цепь проклятыя
И в кровавые объятья
Заключает грешный мир!

1840

Верю

Верю я и верить буду,
Что от сих до оных мест
Божество разлито всюду -
От былинки вплоть до звезд.

Не оно ль горит звездами,
И у солнца из очей
С неба падает снопами
Ослепительных лучей?

В бездне тихой, черной ночи,
В беспредельной глубине
Не оно ли перед очи
Ставит прямо вечность мне?

Не его ль необычайный
Духу, сердцу внятнй зов
Обаятельною тайной
Веет в сумраке лесов?

Не оно ль в стихийном споре
Блещет пламенем грозы,
Отражая лик свой в море
И в жемчужине слезы?

Сквозь миры, сквозь неба крышу
Углубляюсь в естество,
И сдается - вижу, слышу,
Чую сердцем Божество.

Не оно ль и в мысли ясной,
И в песчинке, и в цветах,
И возлюбленно-прекрасной
В гармонических чертах?

Посреди вселенной храма,
Мнится мне, оно стоит
И порой в глаза мне прямо
Из очей ее глядит.

1857

Не тот

Не тот святитель настоящий
И добрый пастырь душ земных,
Кто облачен в покров блестящий,
В сиянье камней дорогих,

Кто прокликает жизнь людскую,
А сам тельцам служить готов,
Свой любит сан, и честь мирскую,
И преклонение голов, -

Но тот, кто, саном незаметный,
Проклятьем не разя наш слух,
Огнем любви новозаветной
Скорбящих возвышает дух.

Чья жизнь - не ветошь, но обнова,
Кто сердцем понял смысл креста
И в соке мысли, в пище слова
Дает нам кровь и плоть Христа.

Образец смирения

Боже! Как безумна гордость человека!
"Для меня всё в мире от начала века, -
Он сказал когда-то с дерзостью незнанья. -
Царь я всей природы, я - венец создання,
Средь светил небесных, средь пучин эфира
Я стою с Землею в средоточье мира.
Вкруг меня вертится от зимы до лета
Солнце - мой источник теплоты и света.
Там Луна - фонарь мой, звездочки - лампадки -
Светят, чтоб всё было у меня в порядке".
- "Лжешь, гордец безумный! Лжешь, глупец надменный:
Сам с своей Землею в уголку вселенной,
Глядя только в щелку узкого оконца,
Кубарем кружишься около ты Солнца;
С Солнцем вдаль несешься - и не знаешь, где ты,
Призраки лишь только видишь - не предметы.
Лунный шар - твой спутник, а тех звезд лампы -
Океаны света, страшные громады,
При которых весь твой мир в его убранстве -
Жалкая пылинка в мировом пространстве".
Он сказал: "Я - разум: мыслю, размышляю,
Лишь инстинкт животным я предоставляю;
В рабстве их держу я, создан - быть вельможей;
Я с душой бессмертной вечный образ Божий.
Для меня всевышний так весь мир устроил,
Чтоб себя я только тешил и покоил.
Вождь я грозных армий, властелин творенья!"
Вот он - полюбуйтесь - образец смиренья!
Сам себя он громко, величая, славит,
Бьет себе подобных и природу давит;
Ничего не смысля, он за Бога смело
Судит и решает Божеское дело!

1860

Пора!

(по поводу римских проклятий)

О христиане, братья, братья!
Когда ж затихнет гул проклятья?
Когда анафемы замрут?
Пора! Мы ждем. Века идут.
Учитель, преданный распятью
И водворявший благодать, -
Христос - учил ли вас проклятью?
Нет! Он учил благословлять,
Благословлять врага, злодея,
Гореть к нему любви огнем
И, о заблудшем сожалея,

Молиться Господу о нем.
А вы? - Вы, осуждая строго
Со-человека своего,
Пред алтарем, во имя Бога
Зовете кару на него.
Вы над душой его и телом
Готовы клятвы произнести,
Каких в пылу остервенелом
Сам ад не в силах изобрести.
И вам не страшно имя Божье
Взять на язык, хулу творя?
Навет на Бога - при подножье
Его святого алтаря!
Кощунство в храме благодати!
Уж если клясть вы рождены -

Не Богом проклинаяте братии,
А черным автором проклятий,
Что носит имя Сатаны!
И вам же будет посрамленьем,
Коль проклинаяемый ваш брат
Ответит вам благословеньем,
Сказав: "Не ведут, что творят!

1860

Пляска

В улику неправд был Израилю дан
Предтеча - креститель Христа - Иоанн.
"О Ирод, - зывал он, - владыко земной!
Преступно владеешь ты братней женой".
Глагол Иоанна тревожил царя
Досадным укором, но, гневом горя,
Царь Ирод смирял свое сердце над ним -
Зане Иоанн был народом любим, -
И долго в темнице предтеча сидел,
И царь над ним казни свершать не хотел, -
Тем паче, что в дни испытаний и бед
Нередко его призывал на совет.

И молчит Иродиада,
Втайне яростью дыша, -
В ней глубоко силу яда
Скрыла женская душа.
Лишь порой, при том укорю,
Вдруг в чертах ее и взоре
Проявляется гроза.
Жилы стянуты над бровью,
И отсвечивают кровью
В злобном выступе глаза.

И, пустивший зло в огласку,
Вестник правды меж людей
Заплатил за эту пляску
Честной кровию своей!
Пусть ликует в силах ада
На земле Иродиада!
В Божьем небе твой престол.
Здесь безглавье есть венчанье
За святое немолчанье,
За торжественный глагол.

Пляска смерти завершилась, -
Голова усечена.
Кончен пир. Угомонилась
Змеедушная жена.
Но рассказывали люди,
Что святая голова
Повторяла и на блюде
Те же смелые слова.

1860

А мы?

Над Римом царствовал Траян,
И славил Рим его правленье,
А на смиренных христиан
Возникло новое гоненье,
И вот - седого старика
Схватили; казнь его близка,
Он служит сам себе уликой:
Всё крест творит рукою он,
Когда на суд уж приведен
К богам империи великой.
Вот, говорят ему, наш храм
И жертвенник! Пред сим кумиром
Зажги обычный фимиам -
И будешь жив отпущен с миром.
"Нет, - отвечает, - не склонюсь
Пред вашим идолом главою
И от Христа не отрекусь;
Умру, но с верою живою!
Прочь, искушенье ада! Прочь,
Соблазна демонские сети!"
Вотще хотят жена и дети
Его упорство превозмочь,
И заливаются слезами,
И вопиют они, скорбя:
"Склонись - и жить останься с нами!
Ведь мы погибнем без тебя".
Не увлекаясь их речами,

Глух на родные голоса,
Стоит он, впалыми очами
Спокойно глядя в небеса.
Его чужие сожалеют,
О нем язычники скорбят,
Секиры ликторов коснеют
И делом казни не спешат.
Он был так добр! - Ему вполслуха
Толпа жужжит и вторит глухо:
"Склонись! Обряд лишь соверши -
Обряд! Исполни эту меру,
А там - какую хочешь веру

Питай во глубине души!"
- "Нет, - возразил он, - с мыслью дружны
Слова и действия мои:
На грудь кладу я крест наружный,
Зане я крест несущий в груди.
Нет! Тот, кому в составе целом
Я предан весь душой и телом,
Учитель мой, Спаситель мой,
Мне завещал бороться с тьмой
Притворства, лжи и лицемерья.
Я - христианин; смерть мне - пир, -
И я у райского преддверья
Стою среди поднятых секир.
Тот обречен навеки аду,
Злой раб - не христианин тот,
Кто служит мертвому обряду
И с жертвой к идолу идет.
Приди, о смерть!" - И без боязни
Приял он муку смертной казни,
И, видя, как он умирал,
Как ясный взор его сиял
В последний миг надеждой смелой, -
Иной язычник закоснелый
Уже креститься замышлял.
А мы так много в сердце носим
Вседневной лжи, лукавой тьмы -
И никогда себя не спросим:
О люди! христиане ль мы?
Творя условные обряды,
Мы вдруг, за несколько монет,
Ото всего отречься рады,
Зане в нас убежденья нет,
-
И там, где правда просит дани
Во славу Божьего креста,
У нас язык прилип к гортани
И сжаты хитрые уста.

Борьба

Таков, знать, Богом Всемогущим
Устав дан миру с давних пор:
Всегда прошедшее с грядущим
Вело тяжелый, трудный спор,
Всегда минувшее стояло
За свой негодный старый хлам
И свежей силы не пускало
К возобновительным делам;
Всегда оно ворчалось, злилось
И пело песню всё одну,

Что было лучше в старину,
И с этой песнью в гроб валилось,
И над могилами отцов,
Зарытых бодрыми сынами,
Иная жизнь со всех концов
Катилась бурными волнами.
Пусть тот скорей оставит свет,
Кого пугает всё, что ново,
Кому не в радость, не в привет
Живая мысль, живое слово.
Умри - в ком будущего нет!

Порой средь общего движенья
Всё смутно, сбивчиво, темно,
Но не от мутного ль броженья
Творится светлое вино?
Не жизни ль варвар Риму придал,
Когда он опрокинул Рим?
Где прежде правил мертвый идол,
Там Бог живой поставлен им.

Там рыцарь нес креста обнови
И гибнул с мыслью о кресте.
Мы - тоже рыцари Христовы
И крестоносцы, да не те, -
Под средневековое иго
Уже не клонится никто.
И хоть пред нами та же книга,
Но в ней читаем мы не то
И новый образ пониманья
Кладем на старые сказанья...
И ныне мы пошли бы в бой -
Не ради гроба лишь святого,
Но с тем, чтоб новою борьбой
Освободить Христа живого!

1859 или январь 1860

Искусство и природа

Смирись перед Творцом природы,
Простершим в безднах неба своды,
О смертный! - осенен венцом
Науки, разума и чувства,
О целях судишь ты искусства -
Но ты ли был его творцом?
О нет, - в рассаднике Эдема
Еще не появлялся ты,
А на земле уже поэма
Слагалась вечной красоты.
Не до тебя ль чертог свой отчий
Установив, верховный зодчий
Бессмертной славою сиял?
В безмерной храмине эфира
Не до тебя ль художник мира
Писал картины и ваял?
И, взяв в пространстве, мглой покрытом.
Кисть света и сказав: "Гори!" -
Прошел по небу колоритом
Предвечной утренней зари,
И солнце вспыхнуло пожаром,
И, детский вид свой округля,
Запеленалась водным паром
Новорожденная земля, -
И в каплях слез благоговейных
Вода, хладея, потекла
И в углубившихся бассейнах
Блестящим зеркалом легла, -
И над водами дух природы
Промчался, бурной мощи полн, -
И всколыхнувшиеся воды
Заговорили шумом волн,
И их чтоб слышать разговоры -
Под светлым куполом небес,
Прорвав подземные затворы,
Над долом выдвинулись горы,
Над почвой вытянулся лес, -
И лес свой подал шумный голос,
Лист перемолвился с листком,
И встрепенулось всё кругом:
И с золотой щетинкой колос,
И травка с чутким стебельком, -
И было всё уже готово -
Подножье жизни и престол;
Адама нет, но есть уж слово,
Нет человека - есть глагол,
Есть красота, лучи, улыбка,
И солнца свет, и тень ветвей,
И резво плещущая рыбка,
И с звонкой трелью соловей.

Уже и зверь неукротимый
В дубравной чаще пробежал,
А человек еще незримый
В зерне грядущего лежал.
Искусство в Боге начиналось
С природой вместе - заодно.
Художник смертный! Что ж осталось
И что в удел тебе дано?
Одни ль природе подражанья
Да списков слабые черты
С ее достойной обожанья
Нерукотворной красоты?
Но тут при сходстве самом близком
Ты не достигнешь торжества, -
Твой труд всё будет мертвым списком
С живой картины естества.
В замену лиц ты дашь мне маски -
И, взяв природу в образец,
Где ты возьмешь такие краски,
Какие розлил в ней Творец?
Нет! Тот художник бесконечный,
- Земли и неба царь предвечный,
По изволенью своему
Тебя поставил на свободе
Не подражателем природе,
Но подражателем - ему.
Рука слаба и средства малы,
Но, при стремлении святом,
В душе ты носишь идеалы
И воплощаешь их потом.
В порывах творческих мечтаний
Свершая огненный полет,
В кругу волшебных начертаний
Ты ищешь новых сочетаний,
Каких природа не дает.
На что ей амвра фимиамов?
На что ей цирк и пантеон?
В ней нет дорических колонн,
Ни микеланджеловских храмов,
Ни рафаэлевских мадонн.
Не из природы ты их вынул,
Но, взяв их из души своей,
Ты мысль свою в природу вдвинул,
Внедрил свою идею в ней.

Служи ж Творцу как жрец избранный,
Природы в храмине пространной,
Где всё, что Господом дано,
Чем полн сей дом Богослуженья,
Сквозь таинство преображенья
В твоей груди проведено.
И в благодарности смиренной

Сознай, что мощный Царь вселенной,
Чтоб приобщить тебя к Себе,
Отмежевал в сей жизни бренной
Участок творчества тебе!

1860

Воскресная школа

"Свет да будет!" - Божья сила
Изрекла - и мрак исчез.
И для всех зажглись светила
В беспредельности небес.
И с тех пор, нас одевая
Дня блестящего в парчу,
Ровно светит вековая
Солнца лампа огневая
Бедняку и богачу,
Ни пред кем тот свет не скрытен,
Всем доступен горний луч -

Тем, кто слаб и беззащитен,
И тому, кто так могуч.
А потом, как мгла ночная
Упадет на грешный мир, -
Пусть иной летит на пир,
Где сверкает пыль земная,
Где поддельный блеск велик,
А иной - зажжет лучину,
Осветит тоску-кручину
Иль затеплит свой ночник!

Но еще есть свет верховный,
Свет не солнца и планет,
Но чистейший свет духовный,
Свет науки, Божий свет,
И без этого сиянья
Тщетно б шел за веком век, -
Светом нравственного знанья
Человек есть "Человек".
Кто не хочет, чтоб доступен
Свет тот был для всех людей,
Тот - недобрый муж, преступен
Он пред совестью своей,
И, с ночным злодеем схожий,
Встав на брата своего,
Он срывает образ божий
Святотатственно с него.
Сам Христос - учитель братства -
Тот, кем наша жизнь крепка,
От духовного богатства

Не отторгнул бедняка.
Не лишил его ученья
И святых своих чудес -
Он, что умер средь мученья
И на третий день воскрес.
Воскресеньем он прославил
Свой всецарственный престол,
Он воскрес, а нам оставил
Слово, грамоту, глагол,
И воскресшего глаголы -
Вечной жизни в нас залог,
Он - глава воскресной школы,
Он - всеграмотности Бог!
Будь же грамотность родная
Делом Веры и Любви!
Восклицаем, начиная:
"Царь небес! Благослови!"

1861

Ночная беседа

Ночь немая, ночь Ерусалима
В черных ризах шла невозмутимо,
Обнимая с высоты Сиона
Портики, чертоги Соломона
И Давида. Царство иудеев,
Где парила слава Маккавеев,
Почивало со своим Сионом,
Без царей, под кесаревым тронем,
И казалось, под десницей Рима
То была лишь тень Ерусалима.
Но иная слава блещет снова
В Божьем граде: эта слава - Слово;
Эта слава - не в доспехах бранных,
Не в венках из роз благоуханных,
Не в сиянье позлащенных храмов,
Не в куренье сладких фимиамов,
Эта слава - агнец, сын эдема,
Он, рожденный в яслях Вифлеема,
Правды друг, нечестья обличитель;
Не вельможен сан его - Учитель.
Ночь немая, ночь Ерусалима
В черных ризах шла невозмутимо.
Не привыкший к блеску и к чертогам,
Отдыхал Он в домике убогом.
Кто же сей полночный посетитель,
Что, войдя, воззвал к нему: "Учитель!"

Это взросший в хитрости житейской,
Мудрости исполнен фарисейской -
Никодим. В глухую ночь, негласно

Он пришел к тому, что самовластно
Всюду ходит смелою стопою,
Окружен народною толпою,
И, власы рассыпав по заплечью,
Говорит могучей, вольной речью,
И глаголом нового закона
Оглашает портик Соломона.

Вот они: один - с челом открытым,
Озаренным мыслью и облитым
Прядями волос золотоцветных,
С словом жизни на устах приветных,
Тихо-мощный, кротко-величавый, -
И другой - с главой темно-курчавой,
Крепкий в мышцах, смуглый, черноокой,
Отенен бородой своей широкой,
Слушает, облокотясь, и в диво
Углублен лукаво и пытливо
Думами. - Беседуя в час ночи,
Свет и тень глядят друг другу в очи.
Что ж? О чем беседа их ночная?
О делах ли, в коих жизнь земная
Вся погрязла? - Нет, их рассужденья -
О великом деле возрожденья.
Никодим! Внимай сердечным слухом:
Смертный должен возродиться духом,
Лишь тогда и жизнь его земная
Обновится, - взыдет жизнь иная.

Человек! Вотще твои стремленья
К благодатной манне обновленья
На нечистом поприще, где каждый
Дышит благ материальных жаждой.
Возродись! - И да не идет мимо
Та с Христом беседа Никодима!

1860 - 1870-е годы

Ответ

Чрез римский форум проходила
Толпа, шумя, как ураган,
И толковала, и судила
О вере первых христиан, -
И говорил народ надменный:
"Они - безумцы! Сброд презренный!
Пускай предстанут на ответ:
Где их религия? Ни храмов
У них великолепных нет,
Ни факелов, ни фимиамов,
Ни чаш блестящих, ни венцов,

Ни божьих ликов изваянных,
Ни в тогах, пурпуром убранных,
С осанкой важною - жрецов.
Богаты мы, они - убоги.
Пускай укажут, где их боги?
Хоть на картине пусть дадут -
Кого они, безверцы, чтут!
На нас пусть взглянут! Мы находим
Везде бессмертных, всесвятых,
Мы сами, размножая их,
Героев, кесарей возводим
В верховный ряд богов своих.
Их лики всюду всем открыты,
А те безбожники... Карать!
Казнить собак! Им нет защиты,
Их доля - в муках умирать".

"Наш Бог - не в позлащенных храмах, -
Гласит креста покорный сын, -
Не в изваяньях Он, не в рамах
Пестро малеванных картин.
Единый храм Его достоин,
И этот - Им самим устроен,
И этот - тесен для Ннего.
Взгляните! Это - храм вселенной,
Где Он сияет - Царь бессменный,
В венце величья Своего.
Кого не в силах мы постигнуть,
Тому, при помощи людской,
Мы и не мыслим храм воздвигнуть
Своею слабою рукой.
Пред тем, кто солнцем и звездами
Сам осветил Свой дом пред нами,
Мы не дерзаем втуне жечь
Ни бедных факелов, ни свеч,
Чадить ему кадилльным дымом,
Когда пред ним, для нас незримым,
Клубится весь земной туман,
И, разомкнув свои затворы,
Огнем и дымом дышат горы,
И темно-синий океан,
Необозримый, неисходный,
Вседневно - годы и века -
Вздывает к небу пар свой водный,
Его свивая в облака.
Но храмы есть у нас иные,
Другие жертвенники есть,
Нерукотворные, живые,
Ему, невидимому, в честь,
Бог дал нам плоть - вот церковь наша
Где вечный огонь горит в крови;
Душа - алтарь в нем, сердце - чаша

С елеем веры и любви.
И часто тот, кто суц от века,
Кому вселенной мал объем,
В смиренном сердце человека
Вмещаась, обитает в нем.
У нас в груди - жилище Бога,
А храм ваш храмом лишь слывет, -
Средь камней мертвого чертога
Источник жизни не живет.
Порой, бездомные в пустыне,
Мы соберемся в тишине,
И Бог во всей своей святыне
Меж нас присутствует вполне.
На что нам ваши изваянья,
Коль Тот, кто к жизни нас воззвал,
Зиждатель мира, Царь создання -
В нас сам Свой образ изваял?
На что жрецы нам? Кто посмеет
Нам Божью волю толковать?
Не ум, но сердце понимает
Великих истин благодать.
Приди, разумный проповедник!
Вещай - и место восприми,
Как наш о Боге собеседник,
Как наш собрат, но не посредник
Меж вечным Богом и людьми!
Среди тревог земных спокойный,
В своей небесной чистоте,
Один посредник был достойный -
Один, - Он распят на кресте.
Его верховного закона
Святое слово нам дано,
Он нам сказал во время оно:
"Отец, и Я, и вы - одно",
За то, что сладость истин новых
Прияли мы, - казните нас!
Средь лютых казней, нам готовых,
Мы палачей своих суровых
Благословим в последний час".

1850 - 1870-е годы

Молитва природы

Я вижу целый день мучение природы:
Ладьями тяжкими придавленные воды
Браздятся; сочных трав над бархатным ковром
Свирепствует коса; клонясь под топором,
Трещит столетний дуб в лесу непроходимом,
И ясный свет небес коптится нашим дымом.

Мы ветру не даем свободно пролететь:
Вот мельницы - изволь нам их вертеть!
Дуй в наши паруса! - природа помолиться
Не успевает днем предвечному Творцу:
Томится человек и ей велит томиться
С утра до вечера... Но день идет к концу;
Вот вечер, - вот и ночь, - и небо с видом ласки
Раскрыла ясных звезд серебряные глазки,
А вот и лунный шар: лампада зажжена,
В молельню тихую земля превращена;
Замолкла жизнь людей. Да вот, - ее молитва!

Переложение псалма СХХV

Израиль! Жди: глас Божий грянет -
Исчезнет рабства тяжкий сон,
И пробудится и воспрянет
Возвеселившийся Сион, -

И славу горного Владыки
По всей вселенной известят
Твои торжественные клики
И вольных песен звучный склад,
И глас пойдет меж племенами:
"Се Богом полная страна! "
Его величием над странами
Днесь возвеличилась она!
Как ветер несясь от знойной степи,
Срывает льды от знойных вод,
Господь расторгнет наши цепи
И к славе двинет свой народ.
Кто сеял слезы терпеливо
На почву горя и труда,
Тому воздаст благая нива
Обильем сладкого плода.
И хлынут с громами напева
Жнецов ликующих толпы,
Неся от горького посева
Чистейшей радости снопы.

Прости!

Прости! - Как много в этом звуке
Глубоких тайн заключено!
Святое слово! - в миг разлуки
Граничит с вечностью оно.
Разлука... Где ее начало?
В немом пространстве без конца
Едва да будет прозвучало
Из уст божественных Творца,

Мгновенно бездна закипела,
Мгновенно творческий глагол
Черту великого раздела
В хаосе дремлющем провел.
Сей глас расторгнул сочетанья,
Стихии рознял, ополчил,
И в самый первый миг созданья
С землю небо разлучил,
И мраку бездны довременной
Велел от света отойти, -
И всюду в первый день вселенной
Промчалось грустное "прости".
С тех пор доныне эти звуки
Идут, летят из века в век,
И брошенный в юдоль разлуки
Повит страданьем человек.

С тех пор как часто небо ночи
Стремится в таинственной дали
Свои мерцающие очи
На лоно сумрачной земли,
И к ней объятья простирая,
В свой светлый край ее манит!
Напрасно: узница родная
В оковах тяжести скорбит.
Заря с востока кинет розы -
Росой увлажятся поля;
О, это слезы, скорби слезы,
В слезах купается земля.
Давно в века уходят годы,
И в вечность катятся века,
Все так же льется слез природы
Неистошимая река!

Прости! Прости! - Сей звук унылый
Дано нам вторить каждый час,
И наконец - в дверях могилы
Его издать в последний раз; -
И здесь, впервые полон света,
Исходит он как новый луч,
Как над челом разбитых туч
Младая радуга завета,
И смерть спешит его умчать,
И этот звук с ода кончины,
Здесь излетев до половины,
Уходит в небо дозвучать, -
И повторен эдемским клиром,
И принят в небе с торжеством,
Святой глагол разлуки с миром -
Глагол свиданья с Божеством!

И ныне

Над нами те ж, как древле, небеса,
И так же льют нам благ своих потоки,
И в наши дни творятся чудеса,
И в наши дни являются пророки.

Бог не устал: Бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой Змия;
Там зрит слепой, там мертвый восстает:
Исайя жив, и жив Иеремия.

Не истощил Господь своих даров,
Не оскудел духовной благодатью:
Он все творит, - и Библия миров
Не замкнута последнею печатью.

Кто духом жив, в ком вера не мертва,
Кто сознает всю животворность слова,
Тот всюду зрит наитье Божества.
И слышит все, что говорит Егова.

И, разогнав кудесничества чад,
В природе он усмотрит святость чуда,
И не распнет он Слова, как Пилат,
И не предаст он Слова, как Иуда,

И брата он, как Каин не убьет;
Гонимого с радушной лаской примет,
Смирением надменных низведет,
И слабого и падшего подымет.

Не унывай, о малодушный род!
Не падайте, о племена земные!
Бог не устал: Бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой Змия.

Благовещение

(К картине Боровиковского)

Кто сей юный? В ризе света
Он небесно возблистал
И, сияющий, предстал
Кроткой Деве Назарета.
Дышит радостью чело,
Веют благостию речи,
Кудри сыплются на плечи,
За плечом дрожит крыло.
Кто Сия? Покров лилейный
Осняет ясный лик,
Долу взор благоговейный

Под ресницами поник.
Скрещены на персях руки,
В сердце сдержан тихий вздох,
Робкий слух приемлет звуки:
"Дева, Сын Твой будет Бог".
Этот юноша крылатый -
Искупления глашатай,
Ангел, вестник торжества,
Вестник тайны воплощенья,
А пред ним, полна смиренья,
Дева - Матерь Божества.

Могущество песни

Когда нечистый, злобный дух
Овладевал царём Саулом, -
Давид лелеял царский слух
Священной арфы стройным гулом,
И силу адскую смиря
Великой песнию Господней,
Певец освобождал царя
От злого духа преисподней.
Давно исчезли те цари,
Упали храмы Соломона,
И в прах низверглись алтари,
Но в песнях жив певец Сиона.
И, преходя из рода в род,
В венце молитвы и терпенья,
Живёт израильский народ
Библейской мощью песнопенья.

Мост

В пространстве немом без конца, без начала
Кромешная тьма предо мною лежала;
Всё было недвижно, безжизненно в ней,
И сам я во мраке был мрака мрачней.
Но что-то вдали, в глубине этой сферы,
Светилось: то теплилась звездочка веры;
Свет Божий во мраке той бездны мерцал.
«Возможно ли, - сам я к себе восклицал, -
Тебе через пропасть бездонную эту
Пройти и проникнуть к желанному свету?
И кто так высоко, всей вечности в рост,
Поставит на арках бесчисленных мост,
Чтоб мог перейти я чрез тёмное море?
Никто! Я погибну. О горе мне, горе!» -
И призрак вдруг белый мелькнул мне в глаза:

Прозрачное что-то, как будто слеза,
Как будто чело непорочное Девы
И образ Младенца, лучи и напевы
Отрадные, сладкие... Призрак святой
Простёр свою руку над бездною той,
Куда всё уходит с земли непрерывно
И всё остаётся навек безотзывно, -
И призрак сказал мне: «Со тьмою в борьбе,
Не хочешь ли - мост я поставлю тебе?
Меня не удержит с преградами битва». -
«Но кто ты?» - спросил я. Ответ был: «Молитва!»»